

Россинский Сергей Борисович
Rossinskiy Sergey Borisovich

профессор кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина доктор юридических наук, доцент.

Professor, the Criminal Procedure Department, Moscow State Law University named after O.E. Kutafin,
Doctor of Law, Associate Professor.

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

ГНОСЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ВЕРБАЛЬНОГО И «НЕВЕРБАЛЬНОГО» СПОСОБОВ ПОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Epistemological problems of differentiation of verbal and «non-verbal» ways of cognition in criminal proceedings

В статье рассматриваются критерии для разграничения лежащих в основе следственных, судебных и иных процессуально-познавательных действий вербального и «невербального» способов познания дознавателем, следователем и судом обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Автор статьи считает, что вербальный способ познания предполагает условно-знаковую форму передачи полезных сведений, а «невербальный» — обуславливается закономерностями чувственного восприятия фрагментов объективной реальности. Одновременно анализируются достоинства и недостатки каждого из указанных способов познания, подлежащие обязательному учету при оценке полученных результатов.

Ключевые слова: вербальный способ познания, доказывание, невербальный способ познания, показания, протокол судебного заседания, протоколы следственных действий, уголовно-процессуальное познание.

The article considers the criteria for distinguishing between the verbal and non-verbal ways of cognition of the circumstances relevant to the criminal case, which are the basis of investigative, judicial and other procedural-cognitive actions of the inquirer, the investigator and the court. The author of the article believes that the verbal way of cognition involves a conditionally symbolic form of transmitting useful information, and the non-verbal one is conditioned by the laws of sensory perception of fragments of objective reality. At the same time, the advantages and disadvantages of each of these methods of cognition are analyzed, which are subject to mandatory consideration when evaluating the results obtained.

Keywords: verbal way of cognition, proving in a criminal case, non-verbal way of cognition, indications, minutes of the court session, minutes of investigative actions, criminal procedure knowledge.

Вопросы методологии следственного и судебного познания как одного из элементов сложного и многогранного процесса доказывания обстоятельств уголовного дела [12, с. 47–72] всегда привлекали и продолжают привлекать внимание ученых-правоведов, побуждая к острой полемике. Ведь оно основано на имеющих природное происхождение и поэтому никоим образом не зависящих от созданной людьми процессуальной формы закономерностях гносеологии. Тем более, что, невзирая на многолетние исследования в области философии, психологии, психофизиологии и других наук, эти закономерности еще полностью не изучены и характеризуются мно-

жеством «белых пятен» [4, с. 40; 6, с. 431, 434]. Одной из наиболее актуальных на сегодняшний день представляется проблема разграничения способов уголовно-процессуального познания, предопределяющих как само существование, так и юридическую форму предусмотренных УПК РФ приемов (следственных, судебных и других процессуальных действий), направленных на восприятие материальных и идеальных следов преступления и позволяющих формировать в сознании субъектов-познавателей (судей, следователей и т.д.) соответствующие мысленные образы.

Так, перцепция (восприятие) идеальных следов предполагает взаимодействие дознава-

теля, следователя, суда не с материальными фрагментами объективной реальности, не с элементами вещной обстановки, а со сведениями, поступающими от подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей, экспертов, специалистов либо других лиц, располагающих полезной информацией (например, составителя приобщенного к материалам дела документа и т.п.). К слову, для судебного познания подобный характер приобретают и сведения, доводимые до судьи (присяжных заседателей) и сторон органами дознания и предварительного следствия посредством протоколов произведенных ими следственных действий.

Все эти лица – также субъекты познания, накопившие в своем сознании определенную информацию путем осуществления тех же самых перцептивных механизмов, но имевших место несколько ранее – при непосредственном или опосредованном взаимодействии с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания по уголовному делу. Например, свидетельские показания основываются на оставшихся в прошлом фактах восприятия лицом события преступления, внешности или поведения преступника; экспертное заключение предполагает предварительное восприятие экспертом объектов исследования; письменный документ объективизирует результаты предшествующего восприятия его автором (в частности должностным лицом) каких-либо юридически значимых или иных фактов (о состоянии банковского счета, о проживании человека в определенном месте, о наличии/отсутствии судимости, о наличии заболевания и др.).

Накопление всех этих сведений осуществляется посредством сложнейших гносеологических и психофизиологических процессов, обусловленных высшими психологическими функциями любого разумного человека и во многом остающихся за пределами современного естественно-научного понимания. И, следовательно, формируемые в сознании любых «поставщиков» полезных для уголовного дела сведений мысленные образы уже изначально лишены объективности, а предполагают только некоторую не подлежащую точной оценке степень адекватности по отношению к отраженным в них обстоятельствам.

Нетрудно заметить, что последующая передача указных сведений субъектам уголовно-процессуального познания (следователю, судье и т.д.), наделенных точно такими же высшими

психологическими функциями, лишь усиливает изначально присущий им субъективизм и снижает степень их адекватности по отношению к подлежащим установлению обстоятельствам – возникает как бы «адекватность в квадрате», предполагающая явно производный характер и предопределяющая большую информационную ущербность этих сведений. На данное обстоятельство уже неоднократно обращали внимание ученые, занимающиеся проблемами допроса либо иных процессуальных действий, сопряженных с получением показаний по уголовному делу [9, с. 53; 11, с. 8–9 и др.].

Восприятие дознавателем, следователем, судом идеальных следов преступления предполагает еще одну особенность, состоящую в условно-знаковой форме их передачи. Ведь люди не наделены способностями чтения мыслей, в частности «сканирования» мысленных образов, существующих в сознании других людей. Человеческое общение, подразумевающее транзит информации от одного субъекта к другому, осуществляется посредством специально выработанных условно-знаковых (в том числе, «условно-звуковых», то есть аудио-знаковых) систем. Важнейшей из них является язык – устная и письменная речь, в первую очередь русский язык, а также государственные языки республик, входящих в состав РФ (ч. 1 ст. 18 УПК РФ). Конечно, в следственной и судебной практике нередко возникает потребность в восприятии информации, представленной в виде иных знаковых систем (специальных чертежных и технических символов, языка компьютерного программирования т.д.). Однако сути это не меняет – вне зависимости от характера условных знаков и способа транзита полезных сведений от одного субъекта к другому любые подобные информационные сигналы улавливаются не как наглядные образы, а как интеллектуальные символы. Указанную форму передачи сведений принято называть *вербальной* (от латинского слова «*verbalis*» – «словесный»).

Вместе с тем как в уголовно-процессуальной, так и в криминалистической литературе термин «вербальный» обычно толкуется в узком значении, подразумевающем лишь получение устной информации [10, с. 46]. Такое понимание вербальности явно не охватывает всех методов работы с идеальными следами, всех перцептивных механизмов восприятия мысленных образов, содержащихся в сознании подозреваемых, обвиняемых, потерпевших,

свидетелей, иных лиц, не учитывает всех возможных способов приема-передачи интеллектуальной информации. В этой связи более разумным представляется широкий подход к пониманию вербальности. В частности, А.В. Победкин предлагает подразумевать под вербальной информацией любые сведения, выраженные словами и существующие в любой форме (передаваемые устно, зафиксированные в виде устной речи на аудио- или видеоносителях, а также содержащиеся в форме письменной речи) [9, с. 41]. С указанной позицией солидаризируется еще один современный автор – Н.А. Финогенов [15, с. 5]. Но позиции уважаемых ученых все равно представляются несколько суженными, не охватывающими всех возможных идеальных следов как потенциальных объектов вербального познания, например, планов, графиков, чертежей и тому подобных документов, тоже имеющих как бы «словесную», условно-знаковую форму, но выраженных не посредством русского или иного литературного языка, а с помощью иных знаков и символов.

Таким образом, вербальный способ познания в уголовном судопроизводстве нуждается в наиболее широком толковании. Под ним надлежит понимать систему гносеологических и психофизиологических закономерностей зрительного или слухового восприятия следователем, судом, иными субъектами процессуального познания любых поступающих сведений, выраженных в условно-знаковой форме, содержащих ранее сформированные в сознании подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, иных лиц относительно адекватные мысленные образы различных обстоятельств объективной реальности и предопределяющих формирование ими (субъектами познания) посредством рационального мышления собственных производных мысленных образов, подлежащих дальнейшему использованию для обоснования правоприменительных решений.

Вербальный способ познания характеризуются соотношением зрительной или слуховой перцепции. Причем приоритет одного перед другим зависит от конкретных обстоятельств уголовного дела, объектов процессуального познания, а также от стадии уголовного судопроизводства. Например, показания подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля в досудебном производстве, как правило, даются в устной форме и воспринимаются

следователем на слух. Однако любой допрашиваемый также вправе изложить сообщаемые сведения и собственноручно (в форме письменной речи), что предопределяет необходимость их восприятия следователем путем прочтения, соответствующих частей протокола допроса, то есть с использованием органов зрения. Письменная форма подачи полезных сведений присуща и другим видам доказательств: заключениям эксперта и специалиста (ч. 1, 3 ст. 80 УПК РФ), большинству иных документов (ст. 84 УПК РФ), а также протоколам следственных действий (ст. 83 УПК РФ), проведенных другими сотрудниками органов предварительного расследования.

Наиболее интересным представляется соотношение зрительной и слуховой перцепции при использовании вербального способа познания в судебном заседании. С одной стороны, согласно общему условию устности судебного разбирательства каждый исследуемый документ (протокол следственного действия, заключение эксперта или специалиста, письменный документ и т.д.) подлежит обязательному оглашению, что предопределяет их слуховое восприятие как судом, так и всеми присутствующими на заседании лицами. Но с другой стороны, сам судья располагает и еще одной, как бы «альтернативной» возможностью зрительного ознакомления с любым из лежащих у него на столе материалов уголовного дела (в реальной правоприменительной практике личное прочтение судьей уголовного дела, к великому сожалению, из «альтернативного» нередко превращается в основной способ судебного познания).

Независимо от зрительного или слухового восприятия информации, вербальному способу процессуального познания присуща еще одна достаточно важная деталь: результаты подобной перцепции (то есть сами перцепты) имеют весьма слабое сходство с мысленными образами (с идеальными следами), «зашифрованными» в доступную для приема-передачи условно-знаковую форму. Поэтому для создания собственного мысленного образа в сознании субъекта-воспринимателя (следователя, судьи и т.д.) исключительно чувственных приемов человеческого познания явно недостаточно; для «расшифровки» условно-знаковых информационных сигналов требуется более сложный механизм реализации высших психологических функций – рациональное (вербально-

логическое) мышление, предполагающее способность мыслить, опираясь не на сами предметы или их образы, а на замещающие их слова и символы [3, с. 32], и связанное с использованием формально-логических категорий, таких как понятие, суждение, умозаключение. К слову, потребностью в рациональном мышлении характеризуется не только вербальный способ восприятия сведений, закодированных в условно-знаковую форму. Вне всяких сомнений, работа дознавателя, следователя, судьи (присяжных заседателей) с материальными объектами уголовно-процессуального познания тоже предполагает формально-логические операции, связанные с использованием соответствующих понятий, суждений, умозаключений – обратное просто бы противоречило самой природе мыслящей личности. В частности, Р.С. Белкин и Е.М. Лившиц, рассматривая сущность осмотра места происшествия, справедливо обращали внимание на необходимость интерпретации результатов чувственного познания следователем объектов и явлений материального мира посредством последующего рационального мышления [1, с. 44]. Однако все подобные мыслительные механизмы вступают в действие не в момент восприятия полезных сведений, а чуть позднее – во время оперирования накопленной информацией в целях формулирования выводов и обоснования соответствующих правоприменительных решений. Поэтому Р.С. Белкин и Е.М. Лившиц, завершая свою мысль, справедливо указывали, об использовании логического мышления лишь для обработки результатов осмотра места происшествия, направленной на выявление их связей как с самим преступлением, так и с другими собранными по делу фактическими данными. Одновременно ученые писали о наглядно-образном мышлении как о единственном способе накопления информации, лежащем в основе рассматриваемого следственно-го действия.

Невзирая на некоторую информационную ущербность вербального способа процессуально познания, обусловленную явной производностью и «вторичным» субъективизмом мысленных образов, формируемых в сознании субъектов доказывания, его использование в досудебном производстве имеет одно неоспоримое преимущество. Оно связано с правилами составления протоколов соответствующих процессуальных действий (судебного заседания), как до-

кументов, фиксирующих результаты воспринятых дознавателем следователем, судом вербальных сведений в целях обеспечения возможности их дальнейшего восприятия на последующих этапах уголовно-процессуальной деятельности. Так, например, в протоколах допросов, очных ставок либо иных следственных действий, основанных на вербальном способе процессуального познания, фиксируется не словесная интерпретация производных и обладающих «вторичным» субъективизмом мысленных образов, сформированных в сознании следователя посредством рационального мышления, то есть некоей «расшифровки» сведений, содержащихся в условно-знаковых сигналах. В подобных протоколах отражаются сами вербальные сигналы (слова, технические символы и пр.), исходящие от подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, автора письменного документа и т.д. Проще говоря, следователю не нужно вначале «переводить» воспринятые в условно-знаковой форме сведения в собственный мысленный образ, а затем заново «переводить» этот образ обратно в условно-знаковую (словесную) форму для фиксации в протоколе, как бы излагая показания «своими словами» – согласно ч. 2 ст. 190 УПК РФ протоколы должны характеризоваться максимальной степенью дословности соответствующих показаний.

В этой связи нельзя согласиться с учеными, указывающими на как бы многоступенчатый характер сведений, содержащихся в протоколах допросов. В частности, такую позицию еще в 1948 г. выражал В.Я. Лившиц, относивший протоколы допроса к доказательствам «третьей степени» [5, с. 118]. Позднее подобная точка зрения отстаивалась Х.А. Сабировым [13, с. 21]. Эта позиция представляется неверной! Сформированные посредством рационального мышления и обладающие «вторичным» субъективизмом собственные мысленные образы следователя (дознавателя) не находят письменного отражения в материалах уголовного дела. Предметом последующего судебного разбирательства являются не образы, а сами практически дословно зафиксированные показания допрошенных в ходе досудебного производства лиц; некоторые редакционные отступления от дословности показаний допустимы лишь в целях обеспечения приемлемой для юридического процесса языковой стилистики, исключения ненормативной лексики и т.п. Кстати, уголовно-процессуальный

закон содержит достаточно важную гарантию, состоящую в возможности внесения допрашиваемым лицом в текст протокола собственно-ручных исправлений, корректирующих не совсем точное отражение сообщенных им сведений (ч. 6, 7 ст. 190 УПК РФ). При четком соблюдении данных требований сформированные в сознании проводящего допрос следователя (дознателя) мысленные образы вряд ли могут стать объектом дальнейшего судебного разбирательства, равно как и любого другого дальнейшего исследования. Однако при более вольном изложении в протоколе полученных показаний, при описании воспринимаемых сведений «своими словами» риски искажения сообщаемой подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем информации действительно возрастают. И в этой связи представляется, что законодатель, назвав судебные действия, предусмотренные ст. 276 и 281 УПК РФ, не оглашением протоколов допросов, а оглашением показаний, не учел возможность неосознанного следственного «редактирования» сообщаемых допрашиваемыми лицами сведений в ходе их протоколирования.

Совершенно иным характером обладает перцепция материальных следов преступления или прочих фрагментов объективной реальности, имеющих значение для уголовного дела. Этот способ накопления полезной информации зиждется на закономерностях чувственно-

го восприятия некоего места и (или) неких предметов, документов, иных элементов вещной обстановки, имеющих физические, химические и другие материальные свойства.

Работа с подобными объектами также предполагает сложнейшие гносеологические и психофизиологические процессы, обусловленные высшими психологическими функциями человека, но проистекающие в несколько ином русле. Посылаемые этими объектами информационные сигналы не детерминированы мысленными образами обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и других лиц; они возникают вследствие законов существования и развития материи, то есть либо создаются самой природой, либо обуславливаются действиями (бездействием) людей, животных, различных технических устройств и т.д. Материальным объектам процессуального познания присущи по крайней мере две важные особенности, выгодно отличающие их от следов, запечатленных в человеческой памяти.

1. Они предполагают изначально объективный характер – воспринимаются субъектами познания в «натуральном» виде, в первую очередь, зрительно, но иногда и посредством иных чувств: слуха (например, при восприятии громкого звука), обоняния (например, при восприятии резкого запаха горения на месте пожара) и т.д. Это значительно повышает сохранность познаваемых сведений, то есть

Рис. 1. Вербальный способ познания в уголовном судопроизводстве

существенно снижает уровень «шумов» и «помех», соответствующей информации.

2. Они усваиваются путем наглядно-образного мышления, то есть не требуют условно-знакового «шифрования» посылаемых информационных сигналов и их дальнейшего рационального «расшифрования» следователем (судом). При формировании мысленных образов не задействованы интеллектуальные функции приема-передачи информационных сигналов. Иными словами, данный способ познания зиждется не вербальных сообщениях, а на принципиально иных сигналах, предполагающих четкие физические, химические или иные материальные свойства.

Указанные особенности определяют более простые механизмы преобразования полезных сведений в мысленные образы, и гораздо более высокую степень адекватности этих мысленных образов по отношению к подлежащим установлению по уголовному делу обстоятельствам. По крайней мере, ввиду некоей «естественности», наглядности воспринимаемой информации процесс ее доведения до субъектов процессуального познания не предполагает изначальной производности, а соответствующие познавательные результаты не характеризуются «адекватностью в квадрате».

Кстати, из-за множества «белых пятен» в естественно-научном понимании высших психологических функций человека причины, обуславливающие различия вербального и наглядно-образного способов познания пока доподлинно неизвестны. Вместе с тем само существование этих различий на сегодняшний день, наверное, уже ни у кого не вызывает сомнений, подтверждается многолетними наблюдениями и находит отражение в знаменитой поговорке: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!». Так, известный французский философ XX в. М. Мерло-Понти писал, что слепой мальчик великолепно определяет параметры зрительного восприятия, прекрасно знает, что такое ветви, листья, руки, пальцы и т.д., однако после операции по восстановлению зрения он видит мир отличным от того, который ожидал увидеть [7, с. 288–289].

Чувственное восприятие полезных сведений нельзя расценивать как абсолютно приоритетный способ процессуального познания; ему присущи и некоторые недостатки. Например, он малоэффективен для установления «нематериальных» обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (наличия формы вины, мотивов совершения преступления и т.д.); его позна-

вательный потенциал весьма ограничен и в части познания многих обстоятельств прошлого, не оставивших после себя пригодных для изучения материальных следов (этот изъян особо заметен на общем фоне преимущественной ретроспективности уголовно-процессуального доказывания). К слову, тот же М. Мерло-Понти совершенно справедливо говорил, что звуковое кино, в отличие от немого, не только добавляет зрелищу звуковой аккомпанемент, но и изменяет содержание самого зрелища [7, с. 301].

Существует и еще один недостаток чувственной перцепции фрагментов объективной реальности, имеющих значение для уголовного дела – невозможность их протокольной фиксации в «натуральном» виде для последующего обозрения другими субъектами-познавателями. Протокол предполагает письменную форму изложения. Поэтому в нем могут быть отражены не сами материальные следы преступления и другие объекты, а всего лишь условно-знаковые описания их мысленных образов, сформированных в сознании автора.

В этой связи относительная адекватность протоколов осмотров, освидетельствований, обысков и тому подобных процессуальных действий заметно уступает адекватности протоколов допросов или очных ставок, предполагающих практически дословную фиксацию соответствующих показаний. Вряд ли можно согласиться с Х.А. Сабировым, полагающим, что подобные протоколы содержат меньшее по сравнению с показаниями число посредствующих звеньев между познаваемым фактом и судом. Автор явно ошибался, расценивая протоколирование осмотра места происшествия как фиксацию полезных сведений «в первоизданном виде», не требующую «второго акта» передачи информации [13, с. 21]. Ввиду всего вышеизложенного правильным видится именно двухэтапный процесс отражения материальных фрагментов объективной реальности, подлежащих чувственному восприятию: первый этап – их наглядно-образное отражение в сознании следователя, завершающееся формированием мысленных образов; второй этап – отражение данных образов в протоколе, «перевода» в условно-знаковую форму.

Конечно указанный изъян отчасти преодолевается путем активного использования дополнительных средств фиксации хода и результатов следственных действий (фотосъемки, видеозаписи и т.д.). Но потенциал таких средств не безграничен и далеко не всегда позволяет обеспечить подлинно объективную

передачу воспринятых сведений для будущих субъектов-познавателей.

Данный способ уголовно-процессуально-го познания разумно было бы назвать невербальным. Вместе с тем подобный термин не может претендовать на безусловную научную новизну или оригинальность. Более того, его употребление в контексте, придаваемом замыслом настоящей статьи, невольно упирается в проблему множественности его толкований – в настоящее время он достаточно часто встречается в публикациях по уголовному процессу и криминалистике, подразумевая весьма различные значения. Например, Н.С. Полевой называл невербальными любые сведения, передаваемые не посредством устной речи: буквенно-знаковые, цифровые, графические, иконические, магнитные записи и т.п. [10, с. 47]. В криминалистике и юридической психологии также распространена позиция, отождествляющая невербальность исключительно с восприятием неречевых познавательных сигналов, исходящих от допрашиваемых лиц, то есть их мимики, жестов и т.п. [2, с. 358; 8, с. 227]. В.В. Семенов толкует невербальную информацию как сведения личностного характера о социальных, психологических, физиологических и иных свойствах и состояниях лиц, вовлеченных в процесс раскрытия и расследования преступлений, получаемые посредством исследования используемых ими биологически и социально обусловленных неязыковых средств общения [14, с. 27].

Тогда как в контексте настоящей статьи термину «невербальный» придается наиболее

широкое значение, увязывающее его содержание с любыми познавательными приемами, направленными на установление обстоятельств уголовного дела, сопряженными с формированием в сознании дознавателя, следователя, судьи (присяжных заседателей) мысленных образов материальных объектов, основанных на чувственном восприятии и подразумевающими оперирование зрительными и любыми другими сведениями, не выраженными в вербальной (условно-знаковой) форме. С учетом многообразия толкований термина «невербальный» в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе его использование в значении, predetermined содержанием настоящей статьи (как и других работ автора) предполагает некую условность. Поэтому автор преднамеренно берет данный термин в кавычки.

Итак, под «невербальным» способом познания в уголовном судопроизводстве должно понимать систему гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственного (зрительного или посредством иных органов чувств) восприятия следователем, судом (иными субъектами процессуального познания) материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, трансформирующихся посредством наглядно-образного мышления в соответствующие мысленные образы, подлежащие условно-знаковой фиксации в соответствующем протоколе и дальнейшему использованию для обоснования правоприменительных решений.

Рис. 2. «Невербальный» способ познания в уголовном судопроизводстве

Механизмы вербального и «невербального» познания – это принципиально разные способы установления дознавателем, следователем, судом обстоятельств уголовного дела, отличающиеся друг от друга не только характером поступающей информации, но и особенностями ее восприятия и осмысления. И в этой связи все предусмотренных УПК РФ приемы (следственные, судебные и иные процессуальные действия), направленные на восприятие материальных и идеальных следов преступления, можно

разделить на три группы: а) *вербальные* (например, следственный либо судебный допрос, очная ставка и др.); б) «*невербальные*» (например, следованный либо судебный осмотр, освидетельствование, обыск и др.); в) *смешанные*, характеризующиеся сочетанием вербальных и «невербальных» механизмов восприятия идеальных следов и материальных фрагментов объективной реальности (предъявление для опознания и проверка показаний на месте).

Литература

1. Белкин Р.С., Лившиц Е.М. Тактика следственных действий. М., 1997.
2. Васильев В.Л. Юридическая психология. М., 1991.
3. Визель Т.Г. Основы нейропсихологии. М., 2013.
4. Восприятие и действие / Под ред. А.В. Запорожца. М., 1967.
5. Лившиц В.Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. М.-Л., 1949.
6. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб., 2001.
7. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. СПб., 1999.
8. Насонов С.А., Образцов В.А., Рзаев Т.Ю. Криминалистическое наблюдение как метод собирания ориентирующей информации по уголовным делам // Труды Московской государственной юридической академии. М., 1997. № 2.
9. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005.
10. Полевой Н.С. Криминалистическая кибернетика: учебное пособие. М., 1982.
11. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном процессе. Минск, 1973.
12. Россинский С.Б. Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств. М., 2021.
13. Сабиров Х.А. Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000.
14. Семенов В.В. Процессуальные и криминалистические проблемы использования невербальной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.
15. Финогонов Н.А. Фиксация вербальной информации: процессуальный и криминалистический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2010.

Bibliography

1. Belkin R.S., Livshits E.M. Tactics of investigative actions. Moscow, 1997.
2. Vasiliev V. L. Legal psychology. Moscow, 1991.
3. Wiesel T.G. Fundamentals of neuropsychology. Moscow, 2013.
4. Perception and action / Ed. by A.V. Zaporozhets. Moscow, 1967.
5. Livshits V. Ya. The principle of immediacy in the Soviet criminal process. Moscow-Leningrad, 1949.
6. Maklakov A.G. General psychology. Saint-Petersburg, 2001.
7. Merleau-Ponty M. Phenomenology of perception. Saint-Petersburg, 1999.
8. Nasonov S. A., Obratsov V.A., Rzaev T.Yu. Forensic observation as a method of collecting orienting information on corner cases. Proceedings of the Moscow State Law Academy. Moscow, 1997. № 2.
9. Pobedkin A.V. Theory and methodology of the use of verbal information in criminal procedure evidence: dis. ... Doctor of Law. Moscow, 2005.
10. Polevoy N.S. Forensic cybernetics: a textbook. Moscow, 1982.
11. Porubov N. I. Interrogation in the Soviet criminal trial. Minsk, 1973.
12. Rossinsky S.B. Pre-trial proceedings in a criminal case: the essence and methods of collecting evidence. Moscow, 2021.
13. Sabirov H.A. Protocols of investigative and judicial actions as a type of evidence in the Russian criminal process: dis. ... PhD in Law. Krasnodar, 2000.
14. Semenov V.V. Procedural and criminalistic problems of using non-verbal information at the pre-trial stages of criminal proceedings: dis. ... PhD in Law. Saratov, 2003.
15. Finogenov N. A. Fixation of verbal information: procedural and criminalistic aspects: abstract of the dis. ... PhD in Law. Saratov, 2010.